

Развитие Русского Летописания

Nikolay Paraskevov

Faculty Of Modern Languages, Department Of Russian Language, St. Cyril And St. Methodius
University Of Veliko Tarnovo, Bulgaria

ABSTRACT:

Old Russian literature reveals a complete dissimilarity with the literature of the modern time: it is characterized by other, special genres (Old Russian literature did not know the novel and drama, poetry appears only at the end of the 17th century), and the method of representation of life, belletristic expression of man.

The “Tale of Bygone Years” is the basis of all Old Russian chronicle writing.

The chronicle story is first of all documentary: with few exceptions, there is nothing fictitious, composed, “literary” in it. It is a direct reflection of reality. It is a story in the literal sense of the word, usually compiled on the fresh traces of the event by an eyewitness, or from the words of an eyewitness.

KEYWORDS: Old Russian literature, chronicle, monasticism, history, man, reality

ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнерусская литература возникла в XI в. и развивалась в течение семи веков, до Петровской эпохи. Она оставила нам громадное, но не во всем равноценное наследство.

Два периода в ее развитии представляют особенно значимый интерес – это эпоха Киевской Руси и XVII век. В эпоху Киевской руси (XI–XIII вв.) происходило становление литературных жанров, закладывались основы всех восточнославянских литератур – русской, украинской и белорусской. Именно в это время жанры древнерусской литературы получили свое развитие на национальной почве. XVII век – эпоха, когда старые литературные формы распадаются, возникают новые жанры, это период ломки, перехода к новой литературе петровского времени.

Изучать древнерусскую литературу трудно. Древнерусский язык – это язык, уже мертвый для нас: многие слова непонятны, значения слов, кажущихся нам знакомыми, очень изменились, труден для нас и древнерусский синтаксис.

Однако главная сложность в изучении древнерусской литературы заключается не в языке. Дело в том, что древнерусская литература находится на большом отдалении от сегодняшнего дня, и все ее “реалии”: названия предметов, имена, подробности быта – все требует комментария, в свете которого они только и раскрываются.

Древнерусская литература обнаруживает полное несходство с литературой нового времени: ей свойственны иные, особые жанры (древнерусская литература не знала романа и драмы, стихосложение возникает только в конце XVII в.), иным является и сам способ изображения жизни, художественного воспроизведения человека. Древнерусская литература – литература средневековая, дореалистическая, что, не снижает ее художественного и исторического значения.

Искусство древнерусской письменности до некоторой степени основывается на тех же эстетических принципах, что и искусство древнерусской живописи. Иконописцы не знают перспективы, на одной

плоскости, рядом, совмещают предметы, в действительности расположенные на разном расстоянии, и человек, изображенный на переднем плане, как бы застыл в неудобной иногда позе; он смотрит прямо на нас невидящим взглядом, одежды его кажутся сделанными из стекла, такой они причудливой формы, иногда сквозь тело людей, просвечивает фон – дома и деревья; он стоит перед нами как некий призрак – одухотворенный, лирический и непонятный.

Что же, все дело в том, что древнерусские художники не умели изображать перспективу и естественный поворот человеческого тела? Нет, перед нами дореалистический способ изображения человека, иная художественная система видения и отражения мира.

Такой же загадочной кажется и древнерусская литература человеку, впервые начинающему знакомиться с ней. Перед нами особый мир, дверь в который заперта, а ключ потерян. Задача науки и заключается в том, чтобы найти этот ключ, приоткрыть дверь в далекое прошлое, в тот загадочный и во многом уже чуждый нашему эстетическому сознанию мир, созданный писателями Средневековья.

К концу XI в. на Руси уже успела сложиться богатая и переводная, и оригинальная литература. Росла и развивалась она не только в Киеве, стольном городе, но и на периферии, в других культурных центрах Киевской Руси – Чернигове, Новгороде, Переяславле, Турове, Смоленске. В XII в. литература Киевской Руси в ряду других современных ей литератур европейского Средневековья заняла одно из первых мест и по количеству произведений, и по их литературному качеству.

На каком языке писали древнерусские писатели? Они писали на языке древнерусском. В основу этого языка лег живой разговорный язык древней Руси, точнее – его областные диалекты, южные и северные, – Поднепровья, Новгорода Великого.

СВЯЗЬ ЛЕТОПИСАНИЯ С ДРУГИМИ ЖАНРАМИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Говоря о древнерусском литературном языке, следует подчеркнуть одну его характерную особенность. Заключается эта особенность в том, что в процессе становления древнерусского литературного языка, его формирования большую роль сыграл еще один язык, близкородственный ему, хотя и иноземный по происхождению, – язык старославянский (церковнославянский). В основу языка церковнославянского лег один из диалектов староболгарского языка.

Среди жанров древнерусской литературы летопись занимает центральное место. Развивался этот жанр в продолжении восьми веков (XI – XVIII). Дошедшие до нас летописи были изданы Академией наук под общим названием „Полное собрание русских летописей“, первый том которого вышел в 1841 г. (и последний – 30-й – в 1965 г.). Ни одна европейская литература не обладала таким количеством летописей.

В основе всего древнерусского летописания лежит „Повесть временных лет“, остальные летописи к ней примыкают.

Когда и где началось русское летописание? Есть основание полагать, что в первой половине XI в., в Киеве и Новгороде. На вопрос о том, кто занимался летописанием, ответить труднее, чем кажется. Дело в том, что летописцы, за немногими исключениями, не имели обычая указывать свои имена. Решая этот вопрос, приходится опираться на косвенные данные – на содержание летописи. Преимущественно, но не всегда летописанием занимались монахи, специально к этому делу приставленные и прошедшие выучку под руководством старших мастеров этого дела.

Составлялись летописи иногда по поручению князя, игумена или епископа, иногда по личной инициативе. Если летопись велась по прямому поручению того или иного князя, то она обычно носила более или менее официальный характер, отражая политическую позицию этого князя в современной ему феодальной обстановке, его политические симпатии и антипатии. Но не следует обобщать отдельные факты, не следует

преувеличивать официальный характер древнерусского летописания, как это иногда делает историческая наука, считающая, что летописец – придворный историограф, готовый написать все, что ему прикажут – (теория „князя-заказчика“). В действительности же древнерусские летописцы, даже составляя свою летопись по поручению того или иного князя, отнюдь не всегда шли на поводу у своего „заказчика“ и нередко проявляли независимость мысли, отражая точку зрения широких масс на те или иные события, нередко подвергали критике действия и поступки князей, если эти действия и поступки казались им заслуживающими порицания.

В этом смысле исключительный интерес представляет заявление одного русского летописца XV в. Этот летописец просил читателя не обижаться на него за то, что он, критикуя некоторые мероприятия московского князя Василия Дмитриевича, написал нечто „несладостное“ и „неуласканное“. (8:1980) По словам этого летописца, писать надо правду даже в том случае, если эта правда кому-нибудь и не понравится. В доказательство своей мысли, как на высокий пример того, как надо писать летопись, автор этого заявления сослался на „Повесть временный лет“, древнейшую русскую летопись, на ее составителя „великого Селивестра Выдобыжскаго“, который всегда писал „вся добрая и недобрая“, „не украшая пишущаго“) т. е., исторической действительности).

Попытка писать объективно обычно отсутствует, например, в византийских хрониках этого периода. При византийском дворе, как и в античности, хроники часто попадали под влияние научного или политического авторитета. Как известно (10;2024), некоторые научные и исторические догмы сохраняются даже на протяжении тысячелетий и не могут быть легко опровергнуты именно благодаря авторитету, который их произнес (написал).

Вот эту черту древнерусского летописца – его стремление писать правду, „не украшая пишущаго“, „вся добрая и недобрая“ – гениально подметил и воссоздал А. С. Пушкин в образе летописца Пимена. Пимен предстает перед читателем как человек и патриот, которому доступно все: и жалость, и гнев, который отнюдь не „равнодушно“ внимает „доброе и зло“. За внешним спокойствием Пимена таятся глубокие страсти, горячая любовь к родине, четкое понимание того, где „правые“ и где „виновные“? Сущность пушкинского Пимена – предельно отчетливо вырисовывается в заключительном монологе Григория. Пушкинский Пимен – выразитель общественного мнения; он олицетворяет собой народный суд над царем Борисом. Думается, что Пушкин, так понимая образ древнерусского летописца, во много раз ближе к истине, чем отдельные исследователи, в свое время с большим шумом опротестовавшие этот образ и противопоставившие ему другой образ – хитрого дипломата и политика („придворного историка“), выполняющего заказ „политической канцелярии“ своего князя-покровителя. Пушкин отметил действительно одну из наиболее характерных черт облика древнерусского летописца. О „Повести временных лет“ Д. С. Лихачев пишет: „Самое ценное за нас то, что в „Повести временных лет“ вошли и народные взгляды на русскую историю, исторический фольклор, народная молва. (6;1980)

ИСТОРИЯ ЛАВРЕНТЬЕВСКОГО И ИПАТЬЕВСКОГО СБОРНИКОВ И „ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“ В СОСТАВЕ ДВУХ СБОРНИКОВ

В „Повести временных лет“ отразилась идеология управляемых и низших наряду с идеологией управляющих и правящих“.

Древнейшая русская летопись носит в науке название „Повесть временных лет“. В оригинале она имеет некое иное заглавие, более пространное: „Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть“ (4;2012)

Дошла до нас „Повесть временных лет“ в рукописный копиях, не старше XIV в. Из этих копий наиболее

замечательны две: рукописный пергаменный сборник 1337 г. – хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (сборник этот в науке условно называется Лаврентьевской летописью) – и рукописный сборник начала XV в. – хранится в Библиотеке Академии наук РФ (этот сборник в науке условно называется летописью Ипатьевской).

Начинается „Повесть временных лет“ с рассказа о том, „откуда есть пошла Руская земля...“, и доводит изложение исторических событий до 1113 г.

Летопись Лаврентьевская названа так по имени ее писца – монаха Лаврентия, который переписал ее для суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 г. Сведения эти мы узнали из записи Лаврентия в конце переписанной им рукописи. Запись эта, кстати сказать, очень колоритна: „Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед. Также радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, – также и аз худый, недостойный, и многогрешный раб Божий Лаврентий мних... И ныне, господа, отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, – чтите, исправливая Бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел. . .“

Лаврентьевская летопись – сборник, в состав которого вошли два произведения: „Повесть временных лет“ и так называемая Суздальская летопись, доведенная до 1305 г.

Ипатьевская летопись называется так по бывшему месту своего хранения – Ипатьевскому монастырю в Костроме. Переписана была эта летопись в начале XV в. в Пскове, но с южнорусского оригинала. Подобно летописи Лаврентьевской, Ипатьевская летопись также представляет собой сборник. В состав этого сборника входят следующие произведения: „Повесть временных лет“, так называемая Киевская летопись, доводящая изложение до 1201 г., и летопись Галицко-Волынская, охватывающая период с 1201 по 1292 г. Главное различие между обоими списками „Повести“ – в ее конце. Лаврентьевская летопись доводит изложение до 1110 г. и заканчивается рассказом о чудесном явлении 11 февраля 1110 г. огненного столпа над Печерским монастырем. Рассказ этот, однако, обрывается на полуслов. В Ипатьевском списке рассказ о явлении огненного столпа над Печерским монастырем закончен; за ним, следуют еще несколько сказаний – под 1111, 1112, 1113 гг. и т. д. „Повесть временных лет“ переходит в летопись Киевскую, причем неявно, где кончается „Повесть временных лет“ и где начинается летопись Киевская. Не разъясняют этого вопроса и другие списки повести.

Изучение „Повести временных лет“ началось в XVIII в. По единодушному мнению всех исследователей, Лаврентьевский список „Повести“ является лучшим, он наиболее близок к первоначальному виду. Внимание исследователей привлекла запись игумена Сильвестра в Лаврентьевском списке: Игумен Сильвестр:.. написах книги си летописецъ, надеясь от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 индикта 9 лета..," (т. е. 1116 г.)

Как прежде всего понимать эту запись? Как понимать эти его слова: „написах книги си летописецъ“? Составил или только переписал „Повесть временных лет“ игумен Сильвестр? В 1116 г. была составлена повесть или раньше? Были ли у Сильвестра предшественники или не были? Как согласовать запись Сильвестра с заглавием „Повести“ в одном из списков, воспроизводящих Ипатьевскую летопись, – в Хлебниковском списке: „Повесть временных лет Нестера черноризца Федосьева монастыря Печерскаго...“? Каково участие в составлении повести Нестера?

Вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия, Был высказан ряд гипотез. Свою гипотезу академик А. А. Шахматов подробно обосновал в следующих работах: „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“ (9;1908) и „Повесть временных лет“. Гипотеза Шахматова может быть сведена вкратце к следующим четырем тезисам:

1. „Повесть временных лет“ была не составлена, а только переработана игуменом Сильвестром;
2. „Повесть“ – сложное литературное сооружение, над созданием которого работало не одно поколение летописцев;
3. К созданию ее приступили уже в XI в.;
4. В том виде, в каком „Повесть“ известна нам, она представляет собой свод нескольких не дошедших до нас летописей XI – начала XII вв.

„Повесть временных лет“ была составлена в 1112 г., еще при жизни великого князя Святополка. Автором ее был Нестор, монах Киево-Печерского монастыря. Свое изложение Нестор довел до 1111 г., посвятив последние страницы своего труда деятельности князя Святополка, описанию его бранных подвигов и характеристике его благочестия. 16 апреля 1113 г. князь Святополк умер, и на киевский стол сел Владимир Мономах, старый политический враг Святополка. Новый князь, естественно не мог не обратить внимания на составленную Нестором „Повесть временных лет“. „Необходимо было, – пишет Шахматов, – восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении; политический интерес требовал изыятия из обращения многих частей киево-печерского летописца; возможно, что у Мономаха явилась мысль о свершенном устранении „Повести временных лет“, Мономах передал „Повесть временных лет“ на просмотр и переделку игумену семейного Выдубицкого монастыря Сильвестру. Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г., как о том свидетельствует его запись в Лаврентьевском списке „Повести“. Как и следовало ожидать, Сильвестр, переделывая труд своего предшественника, отодвинул личность князя Святополка в тень, выдвинув на первый план Владимира Мономаха. Так, по Шахматову, возникла в 1116 г. вторая редакция „Повести временных лет“.

„Переход княжеского летописания в другой монастырь (Выдубицкий) не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло...: все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха“. Желая снова взять в свои руки дело княжеского летописания, киево-печерская братия поручила одному из своих „книжников“ составить новую редакцию „Повести временных лет“ в похвалу Владимиру Мономаху. Работа эта была выполнена в 1118 г. Так, по Шахматову, возникла третья редакция „Повести временных лет“, доведенная до 1117 г. и лучше всего сохранившаяся в Ипатьевском списке „Повести“. (9;1908)

Вот как представлял себе Шахматов „творческую историю“ „Повести временных лет“. Она „строилась“, созидалась около 80 лет, с 1039 по 1118 г., не менее пяти раз подвергалась коренной переработке пока не приняла тот вид, в каком мы ее теперь знаем по спискам Лаврентьевскому, Ипатьевскому и др.

Другая гипотеза принадлежит академику В. М. Истрину. В 30-40-х годах XI в. в Киеве переводчиками Ярослава при митрополичьей кафедре Св. Софии была переведена на славяно-русский язык греческая „Хроника“ Георгия Амартола (IX в.). „Хроника“ эта ввиду большого объема и обилия в ней богословских рассуждений вскоре была переработана каким-то неизвестным древнерусским книжником, частью сокращена, частью дополнена данными, заимствованными из других источников. Эта переработка стала распространяться в многочисленных рукописных копиях под заглавием „Хронограф по великому изложению“, т.е. по полному переводу „Хроники“ Георгия Амартола.

Вскоре, а может быть еще в процессе перевода, этот компилятивный „Хронограф по великому изложению“ был дополнен рассказами из русской истории. Русская история излагалась в „Хронографе“ частью по устным преданиям, частью по письменным источникам. В нем уже были сказания о призвании князей, о походах Олега и Игоря, о крещении Владимира. Летопись была доведена до 1054 г. Это была первая редакция „Повести временных лет“, она и носила название „Се повести времяных лет, откуда есть пошла

Русская земля...“ Она имела тот самый вид, в котором сохранилась в списках Лаврентьевском и Ипатьевском до 1054 г., но без общего вступления и без „Сказания о начале Печерского монастыря“ под 1051 г. Дальнейшая история „Повести временных лет“ в течение XI в. состояла в простом продолжении последующих событий. „Продолжатели“ не вносили ничего, кроме ничтожных добавлений, в предшествующий текст, который переписывался без редакционных изменений.

В начале XII в., тотчас после смерти Святополка в 1113 г., первая редакция „Повести временных лет“ со всеми ее дополнениями была вновь продолжена до смерти Святополка включительно. Автором ее был Нестор, который добавил к ней обширное введение. Так появилась вторая редакция „Повести временных лет“, сохранившаяся почти в полном и цельном виде (без случайно исчезнувшего конца) в Лаврентьевском списке.

Труд Нестора в 1116 г. был переписан дословно, без всяких редакторских переделок, Сильвеотром, который поставил свое имя как переписчик.

Итак, по мнению В. Н. Истрина, „Повесть временных лет“ в том виде, в каком мы ее теперь знаем по спискам, была составлена в два приема: первая редакция „Повести“ относится к 1054 г., а вторая и последняя – к 1113 г.

Мнения Шахматова и Истрина расходятся. Которая же из этих двух гипотез ближе к действительности? По мнению большинства историков древнерусской литературы – гипотеза А. А. Шахматова. Ее полностью принял, уточнив в деталях, М. Д. Приселков (6;1996), автор „Истории русского летописания XI–XV вв.“; она легла в основу академической „Истории русской литературы“. И. П. Еремин предполагает (2;2013), что ни одна, ни другая гипотеза отвечают действительности. По его мнению, вопрос требует дополнительного исследования. Безоговорочно примкнуть к А. А. Шахматову или к В. И. Истрину, во всяком случае, нельзя. В их построение многое спорно.

В древней Руси летопись была основным источником сведений о прошлом Русской земли. Неудивительно, что она, выйдя за пределы монастырской кельи, где писалась, очень скоро становилась важным историко-политическим документом, которым пользовались для справок, для решения того или иного спорного политического вопроса текущей современности.

Первый общерусский свод летописного повествования, в котором нашла свое отражение борьба за независимость русского народа и за объединение Руси в единое Русское государство, это Троицкая летопись. (7;2016) Сгоревшая в 1812 году в Москве вместе со всем собранием Московского общества истории и древностей российских пергаменная летопись, названная Карамзиным Троицкой летописью, была составлена в Москве в 1408 г. Идея единства Руси нашла свое отражение в Троицкой летописи прежде всего в объединении в ней различных местных летописей. При составлении общерусского летописного свода в 1408 г. были использованы летописи Твери, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Ростова, Рязани, Смоленска, а также предшествующие летописи Москвы, в том числе не дошедший до нас Летописец великий русский 1389 г., ссылка на который имеется и в самой Троицкой летописи. В составе Летописца великого русского Троицкая летопись получила и „Повесть временных лет“ – памятник киевского летописания начала XII в. Открывая собой Летописец великий русский, а затем и Троицкую летопись, „Повесть временных лет“ служила для них своеобразным историческим введением, живым напоминанием о былом могуществе и единстве Русской земли. Начиная свое изложение с Повести временных лет составитель Троицкой летописи сохранил в ней легенду о призвании трех братьев-варягов, сочиненную киевскими Летописцами конца XI – начала XII вв. для утверждения идеи единства княжеского рода, а также для того, чтобы противопоставить притязаниям Византии утверждение о происхождении княжеской династии из прямо противоположных стран: не с византийского юга, а со скандинавского севера. Возводить

происхождение правящей династии к иностранным государствам было в традициях ученых средневековых историографов, и составитель „Повести временных лет“ в этом отношении не представлял исключения. Однако эти домыслы составителя „Повести временных лет“ были не только пассивно восприняты, московскими летописцами, но также и активно использованы впоследствии сторонниками не совсем научной норманской теории происхождения русского государства. Представители этой теории начинали историю государственной жизни страны с пресловутой легенды о „признании варягов“, не учитывая того, что составителя „Повести временных лет“ интересовала не история образования государства, а история правящей династии. Разница заключается в том, что образование государства и способ управления им принадлежат к двум разным историческим системам. Поэтому их отождествление может привести к ошибочному отнесению этих двух явлений к одному и тому же порядку. Часто способ образования государства – это стихийный процесс, который происходит потому, что конкретная историческая система теряет свою внутреннюю энергию и жизненную силу за счет другой, которая приходит ей на смену или таким образом становится автономной. (5;2022, с.63) В то время как управление уже существующим государством – это другая смыслообразующая система, которая может отличаться по форме и содержанию от способа образования самой государственной структуры.

Значение Троицкой летописи, как исторического источника для нас особенно важно потому, что свод, легший в ее основу передавал события 1305 – 1408 гг. в записях почти современных на всем протяжении этого отрезка времени и безусловно современных для конца XIV в., и начала XV в. без последующих сокращений и редакционных обработок.

Итак, Троицкая летопись, являясь памятником начала XV в., представляла собой исключительную ценность как для изучающих события эпохи феодальной раздробленности, бедной летописными источниками, так и для изучения русского летописания.

Летописный свод, кончавший свое повествование описанием нашествия на Москву Эдигея в 1408 г. и который Н. М. Карамзин (3;1997) в своей „Истории государства Российского“ называет Троицкою летописью, был по прямому указанию того же Карамзина рукописью харатейною (т.е. пергаменной) и, как есть все основания полагать, рукописью 1409 – 1412 гг. Гибель в пожарах 1812 г. в Москве этой рукописи, сгоревшей с другими летописными сводами XVI в. и всеми бумагами и библиотекою „Общества истории и древностей российских“ при Московском университете, останется навсегда невознаградимою и в полной мере невозстановимою утратою для исторической науки.

Вся важность бывшего наличия в научном обороте теперь утраченной Троицкой летописи станет нам ясной если мы припомним, что называемая теперь Лаврентьевскою летописью рукопись конца XIV в. есть весьма тщательная копия о "ветшаного" оригинала, относящегося к самому началу XIV в. и кончавшего свое изложение 1305 годом, и что последующие по времени летописные наши тексты по истории Ростово-Суздальского края относятся и по окончанию своего повествования и по времени их переписки уже к середине или лучше, ко второй половине XV в. Иными словами, между началом XIV в. и второю половиною XV в. мы не имеем непосредственно до нас дошедших этапов летописания, между тем как летописный памятник самого начала XV в., Троицкая летопись, передавала события 1305-1408 гг. в записях почти современных на всем протяжении этого века и в безусловно современных для конца XIV и начала XV вв., т.е. без тех сокращений и редакционных обработок, которыми так резко и невыгодно для себя отличаются наши летописные памятники конца XV и XVI вв. от довольно верой передачи старых текстов в летописных памятниках XII – середины XV вв.

Естественно, что к изучению Троицкой летописи, к вовлечению ее в научный оборот русские историки обратились очень рано, т. е. еще в те времена, когда не была известна Лаврентьевская летопись.

Весь повествовательный материал, по мнению И. П. Еремина (1;1968), относительно четко делится на пять групп: 1. Погодная запись; 2. Летописное сказание; 3. Летописный рассказ; 4. Летописная повесть; 5. Документы из княжеских архивов: договоры, уставные грамоты (эта группа особого литературного значения не имеет).

Погодная запись – древнейшая форма летописного повествования. По объему погодная запись невелика. Предельная краткость изложения – наиболее характерный ее внешний признак. Погодная запись вводится в повествование обычно традиционной формулой: „В лето 6505“, „В лето 6506“ и т. д. ; если погодные известия читаются подряд под одним и тем же годом, то отделяются одно от другого формулами: „Того же лета“, „Сего не лета“, „В тоже время“, „Тогда не“, „Потом не“ и пр. У погодной записи своя особая сфера повествования: она регистрирует смерть того или иного князя, митрополита, игумена; рождение у князя сына или дочери, основание церкви, те или иные стихийные бедствия: пожары, засуху, землетрясения, половодья, и пр.; те или иные явления природы: солнечное затмение, появление кометы; отмечала погодная запись и отдельные политические события: военные походы князей, но значительно реже.

Основное литературное качество погодного известия – документальность.

Летописное сказание – устно-поэтического происхождения, и в этом его основное литературное качество. Сказание – устное историческое предание в „книжной“, литературной переработке летописца. К этой форме летописец прибегал, когда у него под руками не было более достоверного материала. Излагая события, летописец мог опереться только на один основной источник – на устное историческое предание, отбирая из него то, что казалось ему заслуживающим внимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Летописный рассказ прежде всего документален: за немногими исключениями, в нем нет ничего выдуманного, сочиненного, „литературного“. Он прямое отражение действительности. Это рассказ в буквальном смысле этого слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем, или со слов очевидца.

Летописная повесть (это термин условный) – повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части.

Содержание летописи – история, история Русской земли, преимущественно политическая. Писалась она с целью оставить потомству воспоминания о прошлом, рассказать о том, что было, об исторических событиях своего времени.

Летопись, однако, не только документ, но и книга, преследующая и другую – морально-политическую задачу: показать на ряде примеров – в рамках рассказа о прошлом – как надо и как не надо поступать. Летопись – книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Еремин, И. П., Лекции по древней русской литературе, Изд. ЛГУ, 1968
2. Еремин, И. П., Литература древней Руси, Изд. Рипол Классик, 2013
3. Карамзин, Н.М., История государства Российского, СПб, 1997
4. Нестор Летописец, Повесть временных лет, Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012
5. Николов, П., Етероид, С. 2022, ISBN 978-619-188-785-9

6. Приселков, М. Д., История русского летописания XI-XV вв., СПб., 1996
7. Приселков, М. Д., Троицкая летопись, Изд. Наука, 2016
8. История Русской литературы, Коллектив авторов, Изд. Наука, 1980
9. Шахматов, А. А., Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908
10. Nikolov, P., Authority and Scientific Paradigms, Article in IJFMR, Voll. 6, Issue 5, September-October 2024, [DOI 10.36948/ijfmr.2024.v06i05.28988](https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i05.28988)